

1

Воздух становился горячее.

Фрэнк Мэй встал с коврика и дошлепал до окна. Оштукатуренные стены, плитка цвета умбры — как местная глина. Похожие на его дом квадратные многоэтажки с террасами на крышах, куда ночью вылезали жильцы, спасаясь от жары. Сейчас многие из них стояли за достающим до груди парапетом и смотрели на восток. Небо, такого же оттенка, как здания, побледнело в том месте, где должно было взойти солнце. Фрэнк глубоко вздохнул. Душно, как в сауне. Причем в самое прохладное время дня. Он за всю жизнь не выдержал в парилке больше пяти минут, ощущение духоты его не прельщало. Горячая вода еще куда ни шло, но влажный горячий пар — увольте. Фрэнк не мог понять, как кому-то могло нравиться обливаться потом.

Здесь духота повсюду. Если бы Фрэнк заранее немного пораскинул мозгами, ни за что бы сюда не поехал. Город приходился побратимом его собственному, однако городов-побратимов и гуманитарных организаций пруд пруди. Он мог бы выбрать работу на Аляске. А сейчас глаза заливает едкий пот. Франк весь покрылся испариной, хотя на нем были одни шорты, тоже промокшие, даже на коврике виднелись влажные пятна. Хотелось пить, да только кувшин у ложа давно опустел. По всему городу, как гигантские комары, жужжали торчащие из окон блоки кондиционеров.

Солнце взломало корку горизонта на востоке. Полыхнуло, как ядерный взрыв. Поля и здания ниже ослепительно-яркой точки потемнели; по мере разрастания точки в огненную, вздутую серпом линию, на которую невозможно

было смотреть, тени сгустились еще больше. Струящийся от горизонта жар был осязаем, как удар по лицу. Солнечные лучи мгновенно нагрели кожу, вынудив Фрэнка заморгать. Из глаз потекли слезы, он больше не мог ничего рассмотреть. Все стало бурым, бежевым, сверкающим, невыносимо белым. Обычный город в Уттар-Прадеш, шесть часов утра. Фрэнк взглянул на телефон: 38 градусов, по шкале Фаренгейта — 103. Влажность — около 35 процентов. Главное, как они соотносятся. Всего несколько лет назад такое сочетание означало бы самую высокую температуру по влажному термометру из когда-либо зарегистрированных. А сейчас — утро как утро.

Воздух вспороли вопли смятения с крыши дома напротив. Горестные крики издавали две женщины, перегнувшиеся через парапет. На их крыше кто-то не проснулся. Фрэнк тронул пальцем экран телефона и позвонил в полицию. Никто не ответил. Определить, прошел вызов или нет, невозможно. Завыли сирены — далеко, как под водой. На рассвете люди находили изнемогших и тех, кто уже не проснется после долгой душной ночи. Люди звали на помощь. Судя по сиренам, отдельные звонки все же доходили до адресата. Фрэнк еще раз проверил телефон. Заряжен, сигнал есть. Но полицейский участок, в который он звонил несколько раз за последние четыре года, не отвечал. Ждать еще два месяца — пятьдесят восемь дней, слишком долго. Наступило 12 июля, муссон так и не пришел. Надо собраться, выдержать очередной день. Не загадывать наперед. Потом можно будет вернуться в до смешного прохладный по сравнению с этим городом Джексонвиль. Будет, о чем рассказать. Бедолаги с соседней крыши уже ничего не расскажут.

Шум кондиционера внезапно стих. Новые крики отчаяния. Исчез сигнал приема на телефоне. Электричеству каюк. Местный сбой либо полный отказ. Сирены — как голоса богов и богинь, словно весь индуистский пантеон звывл от горя.

Уже включаются генераторы, двухтактные моторы. Люди запасли на такой случай нелегальный бензин, дизтопливо,

керосин. Закон, требовавший использовать сжиженный природный газ, стушевался перед ликом необходимости. И без того грязный воздух скоро набухнет выхлопными газами. Все равно что вдыхать выхлоп прямо из трубы старого автобуса.

Фрэнк закашлялся от самой мысли, машинально припал к кувшину у своего ложа. Кувшин был по-прежнему пуст. Фрэнк спустился вниз, налил в него фильтрованной воды из бака в холодильнике, спрятанном в кладовке. Несмотря на отключение электричества, вода еще сохраняла прохладу. В кувшине-термосе она быстро не нагревается. Для верности Фрэнк бросил в кувшин таблетку йода и плотно завинтил крышку.

Фонд хранил в кладовке несколько генераторов и канистр с бензином, заправки хватит на два-три дня. Это обнадеживало.

В дверь гурьбой ввалились коллеги — Ханс, Азали, Хэзер; у всех красные глаза, растерянность на лицах. «Пошли, — позвали они. — Пора ехать».

— Что вы имеете в виду? — недоуменно спросил Фрэнк.

— Нужно позвать на помощь. Весь округ сидит без электричества. Сообщить в Лакхнау. Вызвать врачей.

— Каких врачей?

— Надо же хоть что-то делать!

Коллеги смотрели то на него, то переглядывались между собой.

— Оставьте мне спутниковый телефон. Привезите помощь. Я с вами не поеду — предупрежу людей, что вы вернетесь.

Его соратники смущенно покивали и по одному просочились в дверь.

Фрэнк надел белую рубашку, и она мгновенно пропиталась потом. Вышел на улицу. Шумели генераторы, в перегретом воздухе бурчали выхлопы. «Видимо, подключены к кондиционерам», — подумал он и подавил приступ кашля. Втягивать в себя воздух — все равно что дышать жаром из топки, кашель только усиливался. Горячий пар в легких, попытки подавить кашель лишь усугубляли ощущение

жары. К нему подходили люди, спрашивали о помощи. Он обещал, что помощь скоро будет. В два часа пополудни. Приходите к этому времени в клинику. А пока что уведите старых и малых в кондиционированные помещения. В школах, государственных учреждениях должны быть кондиционеры. Идите туда. Идите на звук генераторов.

В каждой подворотне стояла группа отчаявшихся родственников, ожидающая прибытия «Скорой помощи» или катафалка. Причитать, как и кашлять, слишком жарко. Страшно даже раскрыть рот. Да и о чем говорить? Думать и то невозможно от жары. Но люди все равно подходили. Пожалуйста, сэр. Помогите, сэр.

— Приходите ко мне в клинику в два часа, — повторял Фрэнк. — А сейчас ступайте в школу. Не выходите на улицу, найдите где-нибудь кондиционер. Спасайте первым делом стариков и малышей.

Но где это «где-нибудь»?!

Тут его осенило: «Идите к озеру! Сидите в воде!»

Его не понимали. «Делайте, как во время Кумбха Мелы, когда люди идут в Варанаси, окунаются в воды Ганга, — пытался объяснить он. — Вода избавит от жары, охладит».

Один мужчина покачал головой: «Озеро на солнце. Вода в нем горяча, как в бане. Хуже воздуха».

С любопытством и тревогой, тяжело дыша, Фрэнк спустился к озеру. Люди стояли в подворотнях зданий. Одни смотрели на него, другие, занятые своими делами, не замечали. Глаза — круглые от переживаний и страхов, красные от жары и едкого дыма, от пыли. На солнце металлические поверхности обжигали пальцы, Фрэнк видел, как от них, точно от жаровни, расходятся волны горячего воздуха. Мышцы превратились в желе; горячей проволокой пронизывающая позвоночник тревога — вот все, что поддерживало его в вертикальном положении. Торопиться не было никакой возможности, хотя очень хотелось. Фрэнк старался не выходить на солнце. Ранним утром эта часть улицы обычно находилась в тени. Выйти на солнце — все равно что нырнуть в костер. Жар гнал человека от одного островка тени к другому.

Подойдя к озеру, Фрэнк не удивился, застав сидящих в нем людей. Наружу торчали одни головы. Коричневые лица, покрасневшиеся от жары. Над водой, как облако талька, клубился отраженный солнечный свет. Фрэнк сошел на бетонную дорожку, огибающую берег озера с его стороны, присел на корточки и по локоть сунул руку в воду. Вода действительно была теплой, почти как в бане. Он поддерживал руку в воде, пытаясь определить, что выше — температура тела или температура озера. В раскаленном воздухе понять трудно. Через некоторое время Фрэнк решил, что вода у поверхности той же температуры, что и кровь в жилах. А значит, намного холоднее воздуха. Даже если она чуть теплее человеческого тела, все равно не так горяча, как воздух. Разница почему-то совсем не чувствовалась. Фрэнк взглянул на людей в озере. В утренней тени, падающей от деревьев и зданий, находилась лишь узкая полоска воды, но и она скоро исчезнет. Потом все озеро будет под солнцем до раннего вечера, пока тени не напользут с другой стороны. Плохо дело. Разве только взять зонтик. Зонтики были у всех. Сколько горожан поместятся в озере — большой вопрос. Не все. Считалось, что в городе проживали двести тысяч человек. Вокруг него — поля, невысокие холмы, другие поселки и городки на всех направлениях. Заведенный порядок не менялся веками.

Фрэнк вернулся в клинику, на первый этаж. Пыхтя, поднялся на второй, в свою комнату. Проще всего лечь и ждать, когда все закончится. Он ввел шифр на сейфе и, открыв дверцу, достал спутниковый телефон. Включил. Батарейка полностью заряжена.

Фрэнк позвонил в Дели, в штаб-квартиру.

— Нам нужна помощь, — сказал он женщине, поднявшей трубку. — У нас нет электричества.

— У нас тоже, — ответила Прити. — Везде отключили. — Везде?

— В большинстве районов. В Дели, Уттар-Прадеше, Джаркханде, Бенгалии. На западе местами тоже — в Гуджарате, Раджастане...

— Что нам делать?

- Ждать помощи.
- Откуда?
- Не знаю.
- Что говорит прогноз?
- Прекращения жары пока не обещают. Возможно, восходящие воздушные потоки над сушей привлекут прохладный воздух с океана.
- Когда?
- Никто не знает. Область высокого давления огромна. Упирается в Гималаи.
- Где лучше находиться — в воде или на воздухе?
- Конечно, в воде. При условии, что она прохладнее, чем температура тела.

Фрэнк выключил телефон и спрятал его в сейф. Проверил показания счетчика взвешенных частиц на стене — 1300 ppm. Счетчик улавливает мелкие твердые частицы размером 25 нанометров и меньше. Фрэнк снова вышел на улицу, в тень здания. Так поступали все, никто не вылезал на солнце. Серый воздух висел над городом облаком дыма. Слишком жарко, чтобы воспринимать запахи по отдельности; несло паленым — зноем, пламенем.

Фрэнк вернулся в дом, еще раз открыл сейф, достал ключи от кладовки, вытащил из нее один из генераторов и канистру с бензином. Когда он попытался залить горючее, выяснилось, что бак уже полон. Фрэнк вернул бензин на место и оттащил генератор в угол, к кондиционеру. Шнур питания кондиционера с законным блоком был короткий, его включали в розетку на стене под окном. Внутри помещения генератор включать нельзя из-за выхлопа. Снаружи под окном тоже — как пить дать стащат. Люди дошли до ручки. Так что... Фрэнк порылся в кладовке, нашел шнур-удлинитель. Вперед, на крышу, там есть площадка с парапетом, высота — четыре этажа. Удлинитель доставал всего лишь до этажа непосредственно под крышей. Фрэнк спустился, вынул кондиционер из окна на втором этаже и потащил, задыхаясь и обливаясь потом, по ступеням вверх. На мгновение у него закружилась голова, но тут пот резанул по глазам, и он ощутил внезапный прилив

энергии. Открыв окно на четвертом этаже, Фрэнк привел кондиционер в равновесие, прижал его оконной рамой и выдвинул пластмассовые боковые панели, закрыв свободное пространство, оставшееся между кондиционером и боковинами окна. Поднявшись на верхнюю террасу, он запустил генератор, послушал, как чихает и переходит на двухтактный барабанный бой мотор. После первого облачка дыма выхлоп стал неразличим для зрения. Мотор работал довольно громко — люди, конечно, услышат. Звук работающих генераторов доносился из разных частей города. Фрэнк подсоединил удлинитель к генератору, спустился в кабинет на верхнем этаже, воткнул штепсель в кондиционер, включил. Раздался дребезжащий гул. Дохнул горячий воздух. О боже, кондиционер не работает!.. Нет, работает. Если понизить температуру воздуха, поступающего с улицы, на 5–10 градусов, то навскидку внутри будет 30. Есть тень — уже неплохо, жить можно даже с высокой влажностью. Достаточно лечь и расслабиться. Охлажденный воздух будет спускаться на нижние этажи и постепенно заполнит все здание.

Фрэнк попытался закрыть окно на втором этаже, где раньше стоял кондиционер. Не тут-то было, раму заклинило. Он принялся лупить кулаками сверху, чуть не разбив стекло. Наконец рама дернулась и поддалась. Теперь на улицу, к ближайшей школе. Маленькая лавка по соседству продавала еду и напитки для школьников и их родителей. Школа была закрыта, лавка тоже, но люди пока не разошлись, некоторых он знал. «У меня в клинике работает кондиционер, — сказал им Фрэнк. — Идем со мной».

Группа людей молча двинулась за ним — шесть-семь семейств, включая хозяев лавки, поспешивших запереть за собой двери. Они пытались держаться в тени, но тень почти полностью исчезла. Первыми шли мужчины, за ними дети, последними — женщины, гуськом, чтобы не выходить на солнце. Разговоры велись на авадхи, а может, на бходжпури — Фрэнк не понял. Сам он немного говорил на хинди, и местные об этом знали. На этом языке к нему обращались, когда хотели что-то спросить, либо говорили с теми,

кто мог общаться с ним по-английски. Фрэнк так и не решил для себя, как помогать людям, с которыми невозможно объясниться. Сгорая от стыда и смущения, он наступил на горло боязни продемонстрировать свою несостоятельность в хинди и начал расспрашивать местных, как они себя чувствуют, где их близкие, есть ли у них приют. Лишь бы не перепутать слова. Люди поглядывали на него с любопытством.

Фрэнк отпер дверь клиники, приглашенные по одному зашли внутрь. Не дожидаясь инструкций, они поднялись по лестнице в комнату с работающим кондиционером и сели на пол. В кабинете мгновенно возникла теснота. Фрэнк спустился на первый этаж и встал за дверью, приглашая всех желающих. Вскоре здание наполнилось под завязку. После этого он запер дверь.

Несмотря на относительную прохладу, люди томились от зноя. Фрэнк бросил взгляд на экран компьютера: температура на первом этаже — 38 градусов. В комнате с кондиционером она, возможно, чуть ниже. Влажность — 60 процентов. Когда высоки и температура, и влажность, дело плохо. В сухой сезон с января по март на Индо-Гангской равнине такой жары и влажности не бывает. Жара без влажности случалась, потом проливные муссонные дожди сбивали температуру, а сплошная облачность приносила облегчение от прямых солнечных лучей. Однако нынешний период жары сильно отличался от других. Безоблачный зной и высокая влажность — зловещее сочетание.

В клинике было два санузла. Через некоторое время унитазы забились. Очевидно, канализация выходила на станцию очистки сточных вод, работающую, разумеется, на электричестве, и у той не оказалось достаточно генераторов для продолжения работы. Что случилось, то случилось. Фрэнк выводил людей из дома, чтобы они могли справиться нужду где-нибудь в переулке, как жители горных деревень Непала, в жизни не видевшие туалета. Первая такая сцена его шокировала, теперь он считал это в порядке вещей.

Иногда люди подступали к нему в слезах и окружали маленькой толпой — расстроенные старики, расстроенные дети. Кое-кто не успевал отпроситься из дома. Он расста-

вил в туалетах ведра, а когда они наполнялись, выносил на улицу и выливал содержимое в сточную канаву, а ведра приносил назад. Умер старик. Фрэнк помог молодым мужчинам вынести тело на крышу, где его завернули в тонкую простыню, а может быть, в сари. Событие пострашнее произошло ночью, когда ту же процедуру пришлось выполнять для грудного ребенка. Пока они несли маленькое тельце на крышу, люди во всех комнатах рыдали. Фрэнк заметил, что в генераторе кончается топливо, сходил в кладовку за канистрой, заправил агрегат.

Кувшин опустел. Из кранов перестала течь вода. В холодильнике стояли два больших бака с водой, но Фрэнк о них помалкивал. Ночью он потихоньку наполнил свой термос из емкости; вода все еще сохраняла остатки прохлады. И сразу назад, за работу.

В ту ночь умерли четверо. Утром солнце вновь превратилось в пылающую топку, чем оно всегда и являлось, обрушив всю мощь на крышу и лежащих на ней завернутых в полотно мертвецов. Все крыши города, а если посмотреть вниз, то и все тротуары превратились в морг. Весь город превратился в морг, а жара становилась все нестерпимее. Термометр показывал 42 градуса при 60-процентной влажности. Фрэнк урывками проспал всего три часа и теперь тупо смотрел на экран. Генератор еще тарахтел, кондиционер еще трясся, как сломанный вентилятор, в воздухе еще стоял гул других генераторов и кондиционеров. Но толку от этого было мало.

Фрэнк сошел вниз, отпер сейф и еще раз позвонил Прити по спутниковой связи. Она сняла трубку только после тридцати или сорока попыток.

— Что у тебя?

— Послушай, нам нужна помощь. Мы погибаем.

— Как ты думаешь? — яростно огрызнулась она. — Ты один такой?

— Нет, но нам нужна помощь.

— Нам всем нужна помощь!

Фрэнк запнулся. В это трудно было поверить. Ведь Прити в Дели.